

Научная статья
УДК 343.13(560)

Марина Эвальдовна Каац
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, renatnasir@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОСУДЕБНОГО ПЕРИОДА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе производства по уголовным делам в Турецкой Республике; исследуются вопросы стадийной характеристики уголовного судопроизводства Турции, порядок осуществления предварительной проверки сообщений о преступлениях и производства расследования в данной стране, на основании чего делаются выводы о возможности имплементации отдельных позиций турецкого уголовно-процессуального законодательства в российское уголовное судопроизводство в части определения уголовной ответственности должностных лиц за укрывательство преступлений, обозначения временного ограничения права подачи заявления о преступлении, установления обязанности должностных лиц по ознакомлению с материалами доследственной проверки заинтересованных субъектов, а также получения объяснений в период проверки сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: уголовный процесс Турции, стадии уголовного судопроизводства Турецкой Республики, полицейская проверка заявления о преступлении в Турции, предварительное расследование в Турецкой Республике

Для цитирования: Каац М. Э. Об особенностях досудебного периода уголовного судопроизводства Турецкой Республики // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 49–57.

Original article

Marina E. Kaats
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, renatnasir@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF THE PRE-TRIAL PERIOD OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF TÜRKIYE

Abstract. The article analyzes certain aspects of the criminal procedural activities at the initial stage of criminal proceedings in the Republic of Türkiye; examines the issues of the stage characteristics of the criminal proceedings in Türkiye, the procedure for conducting preliminary verification of crime reports and investigations in this country. On the basis of analyses the author draws the conclusions about the possibility of implementing certain positions of the Turkish criminal procedure legislation in the Russian criminal proceedings in terms of determining the criminal liability of officials for concealing crimes, designating a temporary restriction on the right to file a crime report, establishing the duty of officials to familiarize themselves with the materials of the pre-investigation check of interested entities, as well as to receive explanations during the verification of reports of crimes.

Keywords: criminal process in Türkiye, stages of the criminal proceedings in the Republic of Türkiye, police verification of the statement about the crime in Türkiye, preliminary investigation in the Republic of Türkiye

For citation: Kaats M. E. On the peculiarities of the pre-trial period of the criminal proceedings of the Republic of Türkiye // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 49–57. (In Russ.)

© Каац М. Э., 2026

Введение

Складывающаяся геополитическая обстановка диктует необходимость проведения компаративистских исследований уголовно-процессуального законодательства дружественных Российской Федерации стран исламской цивилизации, к одной из которых относится Турецкая Республика (далее также – Турция), о чем отмечалось в Концепции внешней политики России, утвержденной в марте 2023 г.¹ Российско-турецкое сотрудничество имеет давние исторические и политические корни, оно всегда находилось в центре внимания и по-прежнему является актуальной проблематикой [1]. Базовым документом, лежащим в основе построения российско-турецких отношений, является Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики 1992 г.² Необходимость обмена опытом по юридическим вопросам между Россией и Турцией была подчеркнута Председателем Верховного Суда Российской Федерации И. В. Красновым во время его первой международной встречи с Главным омбудсменом Турецкой Республики Мехметом Аккарджой, проведенной в конце октября 2025 г.³

Турецкое и российское уголовное судопроизводство связано единой исторической составляющей, так как прообразом законодательства данных областей уголовной юстиции двух стран является французское право XIX в. [2, с. 122], в частности «наполеоновский» Кодекс уголовного расследования 1808 г. [3, с. 9].

Специализированным законом, регулирующим уголовно-процессуальную деятельность в Турецкой Республике, является Закон об уголовной процедуре 2004 г. (Ceza

Muhakemesi Kanunu). В литературе верно поднимается вопрос о нецелесообразности использования для обозначения данного нормативного правового акта термина «уголовно-процессуальный кодекс». Приводятся справедливые аргументы в пользу его неприменения по причине отсутствия в нем признака оптимальной кодифицированности, а также простого перевода турецкого слова *kanunu* на русский язык, означающего «закон» [3, с. 13]. Автор данной статьи также использует в своих работах, посвященных анализу турецкого уголовного судопроизводства, наименование «закон об уголовной процедуре» [4; 5], имея ввиду основной турецкий нормативный правовой акт, устанавливающий правила уголовного судопроизводства данной страны.

Методы

В основе методологической базы исследования лежат общенаучные теоретические приемы познания (анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.), а также специальный сравнительно-правовой метод, применение которого позволило провести компаративистский анализ турецкого уголовного судопроизводства в рамках рассматриваемого объекта исследования.

Результаты

Структура и содержание Закона об уголовной процедуре Турции не позволяет четко определить стадии уголовного процесса данной страны. До его принятия в 2004 г. отдельные авторы выделяли три стадии: 1) предварительное расследование; 2) окончательное расследование; 3) исполнение приговора (иного решения) суда⁴. Последний этап был вполне оправданно исключен

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г. // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48617/ (дата обращения: 30.10.2025).

³ Состоялась встреча Председателя Верховного Суда Российской Федерации Игоря Краснова с Главным омбудсменом Турецкой Республики Мехметом Аккарджой // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34782/ (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Бурмистров В. А., Савонюк Р. Е. Особенности расследования и производства следственных действий по законодательству Турции. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94243/24-Burmistrov.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.10.2025).

из системы уголовного процесса [6] в связи с принятием Закона об исполнении наказаний и мер безопасности 2004 г. и Закона о тюремном уголовном праве 2006 г. Отсюда на сегодняшний момент в уголовном судопроизводстве Турции устанавливаются две стадии (этапы): 1) расследование; 2) судебное преследование [3, с. 19].

В статье 2 Закона об уголовной процедуре, обозначающей основные понятия турецкого уголовного процесса, расследование (*soruşturma*) расшифровывается как «стадия, включающая в себя период от обнаружения подозрения в совершении преступления до принятия обвинительного заключения» (п. е ст. 2). Под судебным преследованием (*kovuşturma*) понимается «этап, который начинается с принятия обвинительного заключения и продолжается до вынесения приговора» (п. f ст. 2).

Несовершенство турецкого законодательства в этой понятийной части видится в том, что, с одной стороны, судебное преследование должно заканчиваться вынесением итогового решения по делу, с другой – о нем продолжает идти речь в законе и в период апелляционного разбирательства (ч. 4 ст. 12, ч. 2 ст. 79, ч. 3 ст. 90, ч. 1 ст. 96, ч. 2 ст. 103, ч. 4 ст. 151, ч. 1 ст. 171, ч. 8 ст. 223, ч. 1 ст. 247 Закона об уголовной процедуре). В литературе отмечается, что в теории уголовного процесса Турции этап кассационного производства также включается в понятие судебного преследования, что вызывает обоснованную критику российских исследователей [3, с. 21].

Таким образом, можно заключить, что турецкий уголовный процесс обобщенно делится на досудебное и судебное производство, подобно тому, как на аналогичные группы классифицируются стадии отечественного уголовного судопроизводства.

Процесс предварительного расследования регулируется книгой второй Закона об уголовной процедуре. Характерно, что первая норма данной части закона (ст. 157)

содержит указание на закрытость (конфиденциальность) турецкого досудебного производства. В российском уголовном процессе сведения, образующиеся в рамках предварительного расследования, также признаются конфиденциальными в подзаконном нормативном правовом акте¹, а для их обережения действует такое общее условие, как недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), предусматривающее, в случае его нарушения, уголовную ответственность по ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Порядок подачи заявления о преступлении в Турецкой Республике регулируется всего лишь двумя нормами закона – ст. 158 и 159 Закона об уголовной процедуре.

Заявление или жалоба могут быть поданы достаточно широкому кругу субъектов, в том числе лицам (организациям), не входящим в систему правоохранительных органов. К ним, в частности, относятся губернатор, префектура, местная администрация, посольства и консульства Турции, суд, Генеральная прокуратура, правоохранительные органы (включая органы судебной полиции) (чч. 1–4 ст. 158 Закона об уголовной процедуре). В случае получения сообщения о преступлении не субъектами уголовной юстиции последние должны перенаправить его в прокуратуру.

Традиционно заявление, жалоба могут быть поданы в письменной или устной форме для внесения содержащейся в ней информации в протокол (ч. 5 ст. 158 Закона об уголовной процедуре).

Примечательно, что в Уголовном кодексе Турции предусмотрена уголовная ответственность государственных чиновников (должностных лиц) и медицинских работников за несообщение ими о преступлении, информация о котором стала известна в связи с выполнением профессиональных обя-

¹ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера : указ Президента Рос. Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 // Рос. газ. 1997. 14 марта.

занностей (ст. 279, 280 Уголовного кодекса Турции). В Российской Федерации такая ответственность установлена для всех лиц (кроме близких родственников), не сообщивших о ряде преступлений террористической направленности, против основ конституционного строя и безопасности государства, преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 205.6 УК РФ)¹ [7; 8].

Также в ст. 73 Уголовного кодекса Турции установлен общий срок давности для всех заявителей, в течение которого они могут подать сообщение о преступлении, – шесть месяцев с момента, когда заявителю стало известно о совершенном преступном действии и он имел реальную возможность известить об этом соответствующие органы. По истечении данного срока проверка сообщения о преступлении не начнется. Если событие преступления обнаружено самими правоохранительными органами либо имело место преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, данное правило не действует. В таких случаях вопрос о дальнейшем расследовании и судебном преследовании решается в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности, который определяется нормами уголовного права [3, с. 83–83].

В турецком законодательстве установлен отдельный правовой «режим работы» с сообщением о подозрительной смерти. Согласно ст. 159 Закона об уголовной процедуре при наличии обстоятельств, вызывающих подозрение в том, что смерть наступила не по естественным причинам, или если личность умершего не может быть установлена, сотрудник правоохранительных органов, сельский староста или лица, занимающиеся вопросами здравоохранения или похоронным делом, обязаны немедленно сообщить об этом Генеральному прокурору Турецкой Республики². В этом случае захоронение

умершего зависит только от письменного разрешения, выданного последним.

Заявление и приложенные к нему документы регистрируются в Реестре правонарушений – единой электронной базе данных, доступ к которой имеют правоохранительные органы. Подобные единые реестры досудебных расследований ведутся органами уголовного преследования многих государств постсоветского пространства [9, с. 33–34]. «Присвоенный уникальный номер сообщается заявителю, который, сообщив его уполномоченному должностному лицу, может получить информацию о ходе проверки жалобы. При наличии технической возможности орган, в который подано сообщение, по ходатайству заявителя может вручить ему электронные копии поданных документов» [3, с. 82–83].

Проверку заявления о преступлении (полицейскую проверку) проводят прокуратура или судебная полиция (по поручению прокурора). Относительно деятельности судебной полиции в этой части органы прокуратуры составляют ежегодный отчет и направляют его местным властям (ст. 166 Закона об уголовной процедуре).

Закон об уголовной процедуре не оговаривает период осуществления подобной проверки, однако по общим правилам она должна осуществляться в разумный срок. Данная проверочная деятельность, сравнивая с российской стадией возбуждения уголовного дела, имеет скорее административный, нежели уголовно-процессуальный характер. По этой причине она не только не выделяется в отдельный этап уголовного судопроизводства, но и не включается в стадию предварительного расследования. Аналогичный подход к определению правовой природы института доследственной проверки долгое время был присущ и российскому уголовному процессу [10]. Согласно турецкому законодательству решения, принятые

¹ Всего 20 составов преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 360 и 361 УК РФ.

² В данном абзаце статьи перевод норм Закона об уголовной процедуре Турции представлен максимально дословно с сохранением специфики юридической лингвистики Турецкой Республики.

по результатам проверки, «обжалуются лишь в административном порядке соответствующему территориальному прокурору, при этом такая жалоба рассматривается не по нормам Закона об уголовных процедурах, а в соответствии с Законом о государственных служащих. К тому же ряд положений, связанных с рассматриваемой проверкой, регулируется Законом о целях и обязанностях полиции» [3, с. 20].

При проведении проверки могут быть осуществлены любые не запрещенные законом действия (включая прямо не упомянутые в законе об уголовной процедуре), не требующие судебного разрешения. Исключение составляет производство допроса или экспертизы (такие процессуальные действия допустимы только после принятия прокурором решения о проведении расследования). Однако орган судебной полиции вправе провести опрос любого лица, которое, по мнению этого органа, может располагать информацией, имеющей отношение к проверяемому событию. Опрос проводится по правилам, установленным для допроса, за исключением приведения опрашиваемого к присяге. Ход и результаты его производства фиксируются в отчете. Альтернативой проведения экспертизы на данном этапе выступает возможность обращения за консультацией к специалистам. Полученные в ходе полицейской проверки результаты используются в основном как ориентирующая для последующего расследования информация и не имеют доказательственного значения на этапе судебного преследования, за исключением результатов процессуальных действий, которые не могут быть повторены судом в процессе судебного преследования или повторение которых даст заведомо иной, нежели ранее, результат (например, осмотр места происшествия) [3, с. 83–84]. В этой связи следует обратить внимание на неоднозначность подхода российского законодательства и правоприменительной практики к определению доказательственного потенциала результатов процессуальной деятельности специалиста. Последние воспринимаются в большинстве своем как

«квазидоказательства», не имеющие полноценного доказательственного значения, независимо от того, на каком этапе уголовного процесса были получены [11].

Материалы полицейской проверки, согласно турецкому законодательству, по ее завершении направляются соответствующему прокурору (по территориальности) для принятия им дальнейшего решения о проведении расследования. В случае положительного решения прокурор наделен правом непосредственного проведения расследования или поручения его производства тем же органам судебной полиции с учетом их специализации. Существуют уголовные дела, по которым расследование правомочен осуществлять исключительно прокурор. К ним, согласно ст. 58 Закона об адвокатах, относятся те, по которым преследованию подвергаются представители адвокатской профессии. В подобном процессе также обязательно присутствие представителя Ассоциации адвокатов [3, с. 90]. Таким образом, мы находим подтверждение высказанной в начале статьи мысли о том, что Закон об уголовной процедуре не является кодифицированным нормативным правовым актом, так как отдельные нормы, непосредственно регулирующие порядок уголовного судопроизводства, содержатся и в других законах Турецкой Республики.

Характерно, что судебная полиция на этапе предварительного расследования обязана исполнять даже устные указания прокурора, в случае если они подаются в неотложных ситуациях (ч. 3 ст. 161 Закона об уголовной процедуре).

В турецком законодательстве предусмотрен еще один субъект, правомочный проводить расследование, – мировой судья по уголовным делам. Согласно ст. 163 Закона об уголовной процедуре он вправе провести расследование, если совершено очевидное преступление, по которому лицо задержано с поличным, а прокурор не имеет непосредственной возможности вступить в уголовный процесс. Мировой судья по уголовным делам вправе также поручить проведение расследования судебной полиции. Таким образом,

указанный представитель судебного органа фактически может заменить прокурора.

В процессе производства расследования должностными лицами проводятся классические следственные и процессуальные действия (задержание, арест, помещение под судебный контроль, обыск, выемка и др.). Примечательно, что цель их проведения связана с необходимостью достижения истины по делу (п. в ч. 3 ст. 52, ч. 1 ст. 129, ч. 1 ст. 160 Закона об уголовной процедуре), что было свойственно советскому уголовному судопроизводству и поддерживается отдельными российскими учеными в настоящее время [12; 13].

По окончании расследования прокурор принимает одно из следующих решений:

- об отсутствии оснований для судебного преследования;
- об отсрочке выдвижения публичного обвинения;
- о составлении обвинительного заключения и передаче дела в суд.

Первый вид решения аналогичен российскому институту прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Оно может быть обжаловано потерпевшим в порядке так называемой процедуры оппозиции в соответствующий апелляционный суд в течение 15 суток [3, с. 100].

Второй вид решения немного схож с российским условным осуждением, за исключением ряда правовых последствий. Отсрочка предоставляется прокурором на срок до пяти лет по уголовным делам о преступлениях, максимальный срок за совершение которых не превышает трех лет (ч. 1 ст. 171 Закона об уголовной процедуре). Если в этот период «подозреваемый совершит любое новое преступление, его действие прекращается и в суд направляется обвинительное заключение как по вновь совершенному преступлению, так и по тому, в связи с которым принималось решение об отсрочке» [3, с. 102].

Принятие решения о составлении обвинительного заключения, согласно турецкому законодательству, именуется возбуждением судебного преследования. Сам итоговый обвинительный документ подается на имя

официального и компетентного суда (ч. 3 ст. 171 Закона об уголовной процедуре), а его содержание сравнимо с аналогичным российским документом.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи были рассмотрены отдельные особенности досудебного периода производства по уголовным делам Турецкой Республики, дана характеристика осуществления полицейской проверки сообщений о преступлениях в данной стране, раскрыты некоторые особенности производства и окончания расследования. Можно заключить, что досудебное производство Турецкой Республики, так же как первоначальные стадии уголовного процесса Российской Федерации, классическим образом характеризуется «интенсивной деятельностью государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, по формированию доказательственной базы по совершенному преступлению» [14, с. 67]. Схожесть подхода к определению сущности рассмотренного этапа уголовного судопроизводства обусловлена историко-правовыми и социально-политическими аспектами развития данных стран. Вместе с тем сфера уголовной юстиции Турции обладает рядом особенностей, на которые следует обратить внимание, рассмотрев возможность их имплементации в российское законодательство.

В частности, внести норму об уголовной ответственности должностных лиц за укрывательство преступлений любой категории тяжести, для чего дополнить гл. 31 УК РФ ст. 316.1 «Укрывательство преступлений государственными служащими, должностными лицами и медицинскими работниками». Относительно медицинских работников поддержим высказанное в юридической литературе суждение о назревшей необходимости наделения данной категории лиц статусом государственного или муниципального служащего [15].

В российском законодательстве следует проработать вопрос о возможности внесения изменений в гл. 19 УПК РФ, касающихся обозначения временного ограничения права подачи заявления о преступлении

лицами, которым стало известно о совершенном преступном действии и они имели реальную возможность известить об этом соответствующие правоохранительные органы. В данных поправках должны найти свое отражение позиции о категории преступлений, специфике пострадавших, времени подачи заявления, а также раскрыто понятие «реальная возможность сообщения».

Следует предусмотреть обязанность должностных лиц при наличии ходатайства лица, чьи интересы были затронуты проведенной доследственной проверкой, ознакомить его с собранными материалами, для чего ст. 145 УПК РФ необходимо дополнить частью пятой следующего содержания: «По ходатайству лица, заявленного в порядке ст. 119 УПК РФ, ему предоставляется право

на ознакомление с материалами проверки, проведенной по заявлению или сообщению о преступлении, непосредственно затрагивающими его права и свободы». Данное предписание будет корреспондировать конституционным установкам, отраженным в ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, а также в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Подобно турецкому законодательству, на процедуру взятия объяснений на стадии возбуждения уголовного дела предлагаем распространить некоторые общие правила проведения допроса, предусмотренные ст. 189 УПК РФ, что будет способствовать приданию данному процессуальному действию более легитимного и, соответственно, доказательственного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шангараев Р. Н., Поспелов Н. В. Россия и Турция: исторические особенности взаимодействия и перспективы сотрудничества // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3, № 4. С. 80–85.
2. Таньпетер Я. П. Опыт правового регулирования законодательства по обеспечению общественного порядка в Турецкой Республике // Молодой ученый. 2019. № 42 (280). С. 120–123.
3. Григорьев В. Н., Сумин А. А. Введение в уголовный процесс Турции : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 192 с.
4. Каац М. Э. Особенности института доказывания в уголовном процессе отдельных государств исламской правовой семьи // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 1 (66). С. 35–40.
5. Каац М. Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 2 (56). С. 119–127. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16>.
6. Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10016>.
7. Петрикова С. В. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 126–128.
8. Сабатов С. А. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (статья 205.6 УК РФ) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 89–93. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_1_89.
9. Корнелюк О. В., Вагин Д. М. Необходимость стадии возбуждения уголовного дела // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2020. № 5 (74). С. 32–34.
10. Баловина И. В. Дореволюционный этап развития процессуального института доследственной проверки // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14). С. 8–16.
11. Ежова Е. В., Акбаров И. И. Некоторые вопросы участия специалиста в производстве по уголовным делам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 79–87.

¹ Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2011 г. № 1251-О-О ; Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 июня 2014 г. № 1309-О ; и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Свиридов М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.
13. Эстерле Т. А. Быть или не быть истине в уголовном процессе? // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 359–361.
14. Латыпов В. С. Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 65–71.
15. Сучкова Т. Е. К вопросу о необходимости наделения врачей статусом государственного или муниципального служащего // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 212–216.

REFERENCES

1. Shangaraev R. N., Pospelov N. V. Russia and Türkiye: historical peculiarities of interaction and prospects for cooperation // History and modern worldview. 2021. Vol. 3, no. 4. P. 80–85. (In Russ.)
2. Tanpeter Ya. P. Experience of legal regulation of legislation on ensuring public order in the Republic of Türkiye // Young scientist. 2019. No. 42 (280). P. 120–123. P. 122. (In Russ.)
3. Grigorev V. N., Sumin A. A. Introduction to the Turkish criminal procedure. Moscow : Yurlitinform, 2018. 192 p. (In Russ.)
4. Kaats M. E. Features of the institution of proof in the criminal proceedings of individual states of the Islamic legal family // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (66). P. 35–40. (In Russ.)
5. Kaats M. E. Certain issues of recognizing evidence as inadmissible in the criminal proceedings of certain countries of the Middle East // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (56). P. 119–127. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16>. (In Russ.)
6. Sumin A. A. Stage of enforcement of the sentence should not be present in the system of stages of criminal proceedings // Bulletin of economic security. 2019. No. 1. P. 79–81. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10016>. (In Russ.)
7. Petrikova S. V. Criminal responsibility for failure to report a crime // Sociopolitical sciences. 2017. No. 1. P. 126–128. (In Russ.)
8. Sabatov S. A. Criminal and legal characteristics of failure to report a crime (article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (30). P. 89–93. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_1_89. (In Russ.)
9. Kornelyuk O. V, Vagin D. M. The necessity of the stage of initiation of criminal proceedings // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 5 (74). P. 32–34. (In Russ.)
10. Balovina I. V. Pre-revolutionary stage of development of procedural institution of pre-investigation verification // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 2 (14). P. 8–16. (In Russ.)
11. Ezhova E. V., Akbarov I. I. Some issues of participation of a specialist in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 79–87. (In Russ.)
12. Sviridov M. K. The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure // Tomsk State University Journal of Law. 2013. No. 2 (8). P. 101–106. (In Russ.)
13. Esterle T. A. To be or not to be true in criminal proceedings? // Young scientist. 2023. No. 2 (449). P. 359–361. (In Russ.)
14. Latypov V. S. Legal institution for promotion of justice: issues of existence and further expansion // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 67. 65–71. (In Russ.)
15. Suchkova T. E. On the issue of the need to grant doctors the status of state or municipal employees // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 23. P. 212–216. (In Russ.)

Информация об авторе:

Каац М. Э. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Kaats M. E. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.